

Личностное и универсальное содержание лирики Я.П. Полонского¹

Татьяна ФЕДОСЕЕВА

1. Лирика Я.П. Полонского как объект литературоведческого исследования

Лирика русского поэта Я.П. Полонского (1819–1898) стала самостоятельным объектом изучения в первой половине XX века. Тогда исследовательское внимание было сосредоточено, преимущественно, на вопросах творческой биографии поэта в культурно-историческом, типологическом, сравнительном аспектах рассмотрения. Особо выделялся автобиографический характер лирики и связанные с ним особенности стиля: задушевность и искренность тона, равно – в выражении интимного и гражданского чувства, мелодичность стиха, глубина переживания автором несовершенства человека и человечества в нравственном, философском, социальном планах (работы А.И. Лагунова, Б.А. Леонова, В.Н. Орлова, Б.М. Эйхенбаума и др.). Те же направления в изучении лирики Полонского оказываются привлекательными для современных исследователей, в трудах которых конкретизируется участие поэта в современном ему литературном процессе, осмысливается его отношение к предшествующей литературной традиции, систематизируется и углубляется знание об основных темах и мотивах лирики.² С недавнего времени центр исследовательского внимания сместился в область авторской жанрологии, поэтики и стилистики.³

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-04-00501а «Литературное наследие Я.П. Полонского: исследование и комментарий».

² *Лагунов, А.И.* Лирика Якова Полонского. Ставрополь, 1974. 125 с.; *Фридлянд, В.Г.* Поэт сердечной и гражданской тревоги // *Полонский, Я.П.* Стихотворения и поэмы. М., 1986. С. 3–26.; *Полоцкая, Э.А.* Вклад Я.П. Полонского в русскую поэзию // *Русская словесность.* М., 2006. № 5. С. 26–32.; *Фет, А.А.* Переписка с Я.П. Полонским. 1846–1892 / вступ. статья Т.Г. Динесман // А.А. Фет и его литературное окружение. М., 2008. С. 555–987. (Литературное наследство. Т. 103. Кн. 1).

³ *Мирошникова, О.В.* Архитектоника лирической книги Я.П. Полонского «На закате» // *Гуманитарное знание.* Омск, 2002. Вып. 6. С. 95–102.; *Гаричева, Е.А.* Поэтические символы камня и огня у Полонского // *Духовные начала русского искусства и образования.* Новгород, 2004. С. 177–181.; *Романенко, С.М.* Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я.П. Полонского: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 201 с.; *Морозова, С.Н.* Творческая индивидуальность Я.П. Полонского:

Нельзя не сказать, в связи с темой нашего исследования, о хронологически первом выходе к системному рассмотрению личностного содержания лирики Я.П. Полонского в коллективной монографии, составленной В.И. Покровским. В центре исследовательского внимания авторов монографии оказались «вечные» темы, ценностно определяющие личность поэта в ее одновременной принадлежности к национальной и общеевропейской культурной традиции. В лирическом содержании произведений Полонского исследователями были выделены универсальные жизненные ценности, такие как «вера в закон любви, добра и истины», «призыв к свету и знанию», отмечалась также «цельность, свежесть, народность мирозерцания».⁴ Современные ученые также выходят на онтологический уровень осмысления отдельных тем, мотивов и образов лирики поэта, выявляя выраженные им личностные и универсальные жизненные смыслы.⁵ Так, в диссертации А.Ф. Коковина, посвященной исследованию биографических и творческих связей Полонского и Фета, было замечено: «В иерархии периодов и явлений человеческой и природной жизни высшим феноменом выступает у Полонского, как и у Фета, вечность...».⁶ Все чаще в поле зрения оказывается творческая индивидуальность поэта, его мировоззренческие, духовные, нравственные позиции.

Целью нашего исследования является уточнение личностного содержания лирики Я.П. Полонского в соотношении смыслов, извлекаемых из впечатлений конкретного исторического времени и универсального библейского текста. В этом

взаимосвязь романтических и реалистических традиций: дисс. ...канд. филол. наук: 10.01.01. Пенза, 2010. 171 с.; *Вьюшкова, И.Г.* Мотивный комплекс сна в поэзии и прозе Я.П. Полонского: дисс. ...канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2011. 248 с.

⁴ Яков Петрович Полонский. Его жизнь и сочинения: сборник историко-литературных статей / сост. В. Покровский. М., 1906. 470 с.

⁵ *Гаричева, Е.А.* Движение к покою в лирике Я.П. Полонского // Проблемы исторической поэтики. 2008. Вып. 8. С. 375–385.; *Иваницкий, А.И.* Онтология моря в русских поэтических системах. Воронеж, 2014. С. 78–98.; *Моклецова, И.В.* О Родине и о себе: молитвенные размышления Я.П. Полонского // Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха: сб. статей / под ред. Т.В. Федосеевой. Рязань, 2015. С. 7–17.; *Федянова, Г.В., Баталова Т.П.* Стихотворение Я.П. Полонского «На Черном море»: мотив «тишины» в литературной перспективе // Там же. С. 180–187.

⁶ *Коковин, А.Ф.* А.А. Фет и Я.П. Полонский: биографические и творческие связи: дисс. ...канд. филол. наук: 10.01.01. Тверь, 2010. 211 с.

[<http://www.dslib.net/russkaja-literatura/a-a-fet-i-ja-p-polonskij-biograficheskie-i-tvorcheskie-svjazi.html#3772954>].

смысле наше исследование отвечает общей направленности современной гуманитарной науки, трактующей художественный текст как высказывание автора.

Осуществляя анализ лирики Полонского, мы опираемся на теорию автора, выработанную М.М. Бахтиным в 1920–1930-х годах. Указывая на автора как субъект эстетической деятельности, ученый утверждал, что в литературно-художественном произведении воплощаются не только эстетические принципы творчества, но также ценностный мир, определяемый личностью писателя. Отпечаток личности автора он находил не только в образах и предметах изображенного в произведении мира, но и на различных уровнях художественной структуры текста: речевом, композиционном, интонационно-ритмическом. Содержательный и формальный планы литературного произведения как художественного целого, по Бахтину, опосредованно воплощают эмоционально-волеву реакцию автора на явления действительной жизни, в истории и современности, которые послужили поводом к созданию произведения. Все стороны произведения, таким образом, объединяются личностью автора: «...и внутреннее время фабулы, и внешнее время ее передачи, и внутреннее пространственное видение, и внешнее пространственное изображение – имеют ценностную тяжесть...».⁷

Осмысляя мир произведения не только в субъективности автора, но и субъективности героя, М.М. Бахтин справедливо указывал, что невозможно абсолютное соединение их в смысловое, ценностное и эмоциональное целое. Исключение из общего правила составляет так называемая «чистая лирика», в которой автор и герой представляют одно «ценностно переживающее лицо», имеющее самое прямое отношение к автору как биографической личности.⁸ Это наблюдение имеет для нас существенное значение в связи с тем, что В.С. Соловьев в статье «О лирической поэзии» (1890) называл Я.П. Полонского, преимущественно, «чистым лириком», хотя и отмечал неоднородность его поэзии. «Чистыми лириками» Соловьев считал тех поэтов, которые способны выразить общее в единичном. Их творчество «останавливается на более простых, единичных и вместе с тем более глубоких моментах созвучия художественной души с

⁷ Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 5.

⁸ Там же.

истинным смыслом мировых и жизненных явлений».⁹ Таким образом, лирика определяется как способ выражения метафизического единения души поэта с выбранным для художественного воплощения жизненным предметом, и через это особое состояние транслируется личностное отношение к многообразию явлений действительной жизни.

Нельзя не учесть, рассматривая лирику с точки зрения выраженных в ней личностных смыслов и ценностей, что современные философы предлагают характеризовать личность через «диалогические отношения» человека с миром и другими людьми. Эти отношения выливаются в «свободное, ответственное, целенаправленное поведение» и преобразование «объективных жизненных отношений между субъектом и миром», а самореализацию личности находят в «преобразовании природы, общества и самого себя». ¹⁰

В нашем исследовании лирические произведения Я.П. Полонского анализируются с точки зрения выраженных в них личностного содержания и универсальных жизненных смыслов. Выраженное поэтом жизненное содержание раскрывается на четырех уровнях: в его отношении к Богу, обществу и истории, внешнего действия и внутренней жизни, универсальных смыслов библейского текста. Отдельные конструктивно-содержательные единицы художественного текста, как мотивы, сюжеты и образы, мы рассматриваем в качестве продуцирующих эти смыслы единиц. Такого рода анализ лирики поэта послужит уточнению его личностного мировосприятия и ценностных ориентаций.

2. Человек в отношении к Богу

Созданная в ранней лирике Я.П. Полонского картина мира представляет человека стоящим на границе идеального и реального существования, сложной диалектики духовного и физического существования.

В стихотворении «Ангел», написанном между 1840 и 1845 годами, нарисована сцена общения ребёнка с Ангелом-хранителем. Ранее нами было отмечено, что в этом стихотворении творческое воображение поэта позволяет ощутить слиянность чувственного впечатления и движения души, приобщенной к

⁹ Соловьев, В.С. О лирической поэзии // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / составл. и вступ. ст. Р. Гальцевой и И. Роднянской. М., 1999. С. 401.

¹⁰ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М., 2010. С. 401–403.

высшему духовному бытию.¹¹ Рядом с Ангелом ребёнок переживает состояние умиротворения и покоя: «Мне сладок был покой в его лучах. / Я весь проникнут был Божественною силой...».¹² Так, утверждается безусловная принадлежность человека земному миру и, одновременно, – Божественному. Е.А. Гаричева справедливо указывает на характер лирического субъекта Полонского, противостоящего «самоутверждению» и видящего идеал в «равновесии земного и небесного».¹³

Размышлению о том, насколько трудно достичь этого равновесия, посвящено первое из опубликованных в большой печати стихотворений стихотворения Я.П. Полонского – «Священный благовест торжественно звучит...» (1840). В нем выражена рефлексия автора по поводу веры и неверия. Мотив веры символически воплощен в первых строках стихотворения отсылкой к колокольному звону, храмовому курению, церковному песнопению. Лирическим героем, однако, религиозный уровень духовного сознания принят не вполне. Его вера – «святые помыслы» – подвергается разрушительному действию сомнения, и на этом уровне уподобляется «чарующей мечте»:

*Молиться я хочу, но тяжкое сомненье
Святые помыслы души моей мрачит.
И верю я — и вновь не смею верить,
Боюсь довериться чарующей мечте...¹⁴*

Сомнение, определяющее сознание героя, оценивается им как препятствие к воссоединению души с вечностью. Эта оценка прямо выражена в заключительной строфе первой редакции стихотворения, опубликованного в журнале «Отечественные записки». Лирический герой надеется на то, что сомнение рано или поздно рассеется и настанет торжество духа:

¹¹ Федосеева, Т.В. Мотив искушения монаха в творчестве Я.П. Полонского // Проблемы исторической поэтики. 2014. Вып. 12. С. 384.

¹² Полонский, Я.П. Полное собрание стихотворений: в 5 т. Т. 1. СПб. 1896. С. 7. Далее это издание цитируется с указанием тома и страницы в круглых скобках.

¹³ Гаричева, Е.А. Движение к покою в лирике Я.П. Полонского // Проблемы исторической поэтики. 2008. Вып. 8. С. 384.

¹⁴ Полонский, Я.П. «Священный благовест торжественно звучит...» // Отечественные записки. 1840. № 9. С. 225.

*Но будет светлый миг... ударит гром в пустыне,
И молния светильник мой зажжет, –
И гордое чело поклонится святыне,
И правду вечную дух вечный обретет.*

В финальном четверостишии очевидна аллюзия на библейский текст, в котором гром как природное явление, сопровождаемое молнией и бурей, служит символическому выражению могущество Бога, Его действительной и трансцендентной силы, направленной на укрепление в человеке веры. Пустыня в различных книгах Ветхого и Нового Заветов, служит местом общения человека с Богом и обретения в трудах святости. Так, Иоанн Предтеча в раннем возрасте удалился в пустыню, где к нему не прикасалось ничто житейское, и явился во всей высоте своего духовного совершенства проповедовать путь спасения. Как сказано в Евангелии от Иоанна, предстал пред людьми «светильником горящим и светящим» (Ин. 5: 35). Таким образом, лирический герой включается в контекст библейского сказания, служащего выражению идеи духовности человека.

В приведенном выше отрывке основная смысловая нагрузка падает на мотивы зажигаемого светильника и гордого чела. В Библии упоминание о светильнике многофункционально: бытовое его назначение связано с одной из сторон жизни древних иудеев, но чаще это упоминание имеет символический смысл, указывающий на преданность Богу, поклонение Ему, благословенный и освященный свыше жизненный путь. Очевидно, что светильник у Полонского символизирует преодоление сомнений и путь веры.

Гордость человека в библейском контексте связана с осуждения самонадеянности, тщеславия, высокомерия и приравнивается к греху гордыни. Гордость царей в книгах Ветхого Завета наказывается безумием, отлучением от царства, гибелью (Навуходоносор, Аман, Тир). Через гордость изобличается также порочность обыкновенного человека, имеющего деньги и власть. Иисус в евангелическом предании изобличает гордецов, рассказывая притчу о том, как самоуверенный гость сел на почетное место и был с него пересажен хозяином: «Всякий возвышающий сам себя унижен будет» (Луки. 14: 8–11).

Отсылка в тексте стихотворения к библейской символике выводит его понимание на уровень универсальных, бытийных смыслов и свидетельствует о

принятии поэтом «вечной правды». Причастность к ней, судя по тексту Полонского, человек обретает, преодолев сомнение, в смирении гордыни, обретении внутренней гармонии и гармоничных отношений с миром.

Еще более отчетливо проявляется выход поэта к универсальным библейским истинам в тексте «фантастической сцены» «У Сатаны», 1871. Действие «сцены» происходит «В чертоге Сатаны на развалинах потухших и простывших миров» и погружено во вневременной – «мистериальный» хронотоп. В диалоге с Сатаной Асмодей сообщает о своих действиях, служащих уничтожению земного мира, и называет первого «духом ненавидящим», «Бога и мир презирающим», «Истину, разум / И благодать отрицающим». ¹⁵ Власть Сатаны над несовершенным человечеством показана Полонским как действенная, но не беспредельная:

*Царство на царство встает,
Брат руку заносит на брата,
От произвола, клевет и разврата
Полмира гниет.*¹⁶

Говоря, от имени Асмодея, о развращении и гибели половины мира, поэт подчеркивает, что уничтожение земного мира целиком недостижимо для злых сил. Ненависть Сатаны к человечеству унижается более действенной силой – любовью Бога. «Крошка-планета», «...Каина потом / Авеля кровью политая» – «прикрыта» «Бога любовью отеческой». ¹⁷ Таким образом, из сюжета «фантастической сцены» прямо вытекает мысль о том, что в столкновении любви и ненависти во вселенском бытийном пространстве побеждает любовь.

Я.П. Полонскому, «очень чувствительному к отрицательной стороне жизни», по точному определению В.С. Соловьева, было свойственно пронесенное через весь жизненный путь «чувство задушевного примирения». ¹⁸ Попытку примирения земного и небесного в человеке и мире критик находил в тексте стихотворения «Царь-девица» 1880 года. Образ Царь-девицы интерпретировался как «источник

¹⁵ Полонский, Я.П. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. СПб. 1886. С. 288.

¹⁶ Там же. С. 308.

¹⁷ Там же. С. 290.

¹⁸ Соловьев, В.С. Поэзия Я.П. Полонского // Философия искусства и литературная критика. С. 537.

поэзии», примиряющей противоречия мира, «сверхчеловеческий, “запредельный” и вместе с тем совершенно действительный и даже как бы личный».¹⁹

В лирическом сюжете стихотворения Царь-девица является герою в детстве, лишь намеком, не открывшись полностью, и сопровождает всю его жизнь. В детстве Царь-девица предстает в облике сказочной девы, «что на свете краше нет»:

*На челе сияло солнце,
Месяц прятался в косе,
По косицам рдели звезды, —
Бог сиял в её красе... (II, с. 201).*

В юности она – образом возлюбленной: «Всколыхнулась занавеска, / Вспыхнул роз махровых куст, / И, закрыв глаза, я встретил / Поцелуй душистых уст». В зрелости – идеалом Красоты, к которому устремлен поэт. При всем том, что образ высказан лишь намеком, его присутствие в судьбе героя постоянно и отмечено «печатью» избранничества.

Образ Царь-девицы содержит элементы фольклорного текста и его рецепции в литературном творчестве русских поэтов начала XIX века, замеченные Н.Ю. Грякаловой, и может быть интерпретирован как фантастический или символический.²⁰ Внешняя его изобразительность приближается также к одному из видений Откровения Иоанна Богослова: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения» (Откр. 12: 1–2). Речь в этой главе Апокалипсиса идет о рождении «нового неба и новой земли», следовательно, с образом Царь-девицы может быть связана идея духовного возрождения человечества.

Независимо от того, в каком, философско-эстетическом, фольклористическом, литературно-поэтическом или библейском ключе будет прочитан образ Царь-девицы у Полонского, он служит воплощению мечты поэта об идеале в соединении земного и небесного.

¹⁹ Там же. С. 519.

²⁰ Грякалова, Н.Ю. К генезису образности ранней лирики Блока (Я. Полонский и Вл. Соловьев) // Александр Блок. Исследования и материалы. Вып. 2. Л., 1991. С. 49–63.

3. Человек в отношении к обществу и истории

В.Г. Фридлянд справедливо заметила, что интерес к человеку в отношении к обществу и истории сформировался в сознании Я.П. Полонского уже в студенческие годы, когда он увлекся древней культурой Востока и, по собственному уверению, сборник «Священные книги Востока» был тогда его «настойной книгой».²¹ Последовавшие за окончанием университета годы жизни на юге России, сначала в Одессе, а потом – в Закавказье позволили поэту ближе соприкоснуться с восточными народами, их культурой и бытом.

В стихах кавказского периода (1848–1851) отмечается развитие романтической традиции, в соответствии с которой в историческом прошлом обнаруживаются истоки особого мировидения народа и национальной духовности. Поэта увлекают старинные легенды и предания, в древних текстах он находил связующие звенья прошлого и настоящего. Отзвуки старины позволяют воссоздать в творческом воображении подвиги героев, жертвовавших жизнью ради возвышенных страстей.

Лирический герой стихотворения «Над развалинами в Имеретии» (1850), находясь на заросшем и заброшенном старинном кладбище, внимает голосам прошлого:

*И проносился рой духов,
Как бы ища своих следов,
Над прахом тел, давно истлевших,
Под грудями не уцелевших
Соборов, башен и дворцов.
В устах, для мира охладевших,
На всё звучал один ответ:
«Здесь было царство — царство пало...
Мы жили здесь — и нас не стало...» (I, с. 113).*

Слетевшие к развалинам «духи» указывают на бренность земного мира. Разрушению подвержено все, что создал и ценит человек и что умирает вместе с

²¹ Фридлянд, В.Г. Поэт сердечной и гражданской тревоги // Полонский Я.П. Стихотворения и поэмы. М., 1986. С. 8.

ним (соборы, башни и дворцы). По логике автора, в настоящее из прошлого переходят лишь свидетельства об исключительных подвигах человеческой души и жизни духа.

Среди вечных ценностей поэтом выделены красота и подвиг государственного строительства прославленной правительницы Грузии Тамары, любовь и страстное служение своему дару легендарного певца Шота Руставели. Соответственно преданию, Тамара была красива, мудра и просвещена, её правление принесло стране расцвет науки и искусства, а народу – благополучие. По одной из легенд, сложенных на Востоке, влюблённый в царицу поэт Руставели прославил её в поэме «Витязь в тигровой шкуре», воспел идеалы благородства, чести и добродетели – все высокие качества великой правительницы. Сюжет о любви поэта к грузинской царице был положен Полонским в основу стихотворения «Тамара и певец её Шота Руставель» (1851).

В стихотворении воссоздаётся сложный в истории Грузии эпизод: к границе страны приближаются враги, и во дворце решается вопрос о защите отечества. Певец Руставель далек от практических вопросов жизни, он целиком сосредоточен на своей любви к Тамаре и на том, как выразить владеющее им чувство в стихах. Его пребывание во дворце в этот момент совершенно неуместно:

*В их толпе лишь один не похож на других —
И зачем во дворец,
В византийской одежде, мечтательно тих,
В это время явился певец? (I, с. 140).*

Царица призывает его забыть о любви и прославить в стихах «дела и победы», направленные на укрепление и защиту государства. Для Руставеля это оказывается невозможным: любовь и поэтический дар он не может подчинить земным законам, даже по воле возлюбленной. Своими помыслами и устремлениями поэт принадлежит иному миру, именно они и будут жить в вечности:

*Буду петь про любовь – ты не станешь внимать...
Но, клянусь! на возвышенный голос любви
Звезды будут лучами играть,
И пустыня, как нежная мать,*

Мне раскроет объятия свои! (I, с. 142)

Образ преданного своему дару поэта Руставеля, хотя и восходит к историческому прототипу, интерпретирован соответственно взгляду самого Полонского на поэтическое творчество как идеальную область.

Наиболее отчетливо этот взгляд поэта был выражен в стихотворении 1859 года «Для немногих». Его последняя строфа целиком посвящена изложению авторского credo. Лирический герой Полонского, называя себя «гражданином» свой долг видит не в том, чтобы защищать права сограждан, а в том, чтобы «слова любви сводить» с неба на землю:

*Я знаю: область есть иная,
Там разум вечного живёт —
О жизни там, живым живая
Любовь торжественно поёт.
Я, как поэт, ей жадно внемлю,
Как гражданин, сердцам в ответ
Слова любви свожу на землю —
Но — для немногих я поэт.²²*

Справедливо считая себя, как и своих товарищей по Московскому университету, идеалистом, Я.П. Полонский не мог принять материалистических убеждений, распространившихся в России второй половины XIX века. В сознании русского общества всё более утверждался европейский позитивизм, который, как известно, ориентирует человека на то, чтобы определять отношения между фактами действительной жизни, а не искать сущность вещей. Эмпиризм мышления и прагматизм личностных ориентаций были чужды писателю, равно, как и ряду наиболее близких ему русских писателей и поэтов.

Начало 1860-х годов в судьбе Я.П. Полонского отмечено сближением с Ф.И. Тютчевым, пригласившим долгие годы пребывавшего в нужде поэта на место младшего цензора в Комитет цензуры иностранной. Цензорские должности

²² Полонский, Я.П. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы / сост. и коммент. И.Б. Мушиной. М., 1986. С. 135.

занимали тогда и другие литераторы – А.Н. Майков, А.В. Никитенко, И.А. Гончаров. Их объединяло не только место службы, но и общий взгляд на основные вопросы современной жизни, прошлое и будущее Европы и России.

Ф.И. Тютчев не раз говорил и писал о причинах трагических противоречий современного мира – находил их, прежде всего, в разрушении исконных, хранящихся в памяти и вере народа представлений о смысле бытия. Первостепенное значение в судьбе человека и истории человечества поэт придавал духовным ориентирам, «сверхъестественное» начало он находил «в глубине всего наиболее естественного в человеке».²³ По выражению Б.Н. Тарасова, Тютчев видел трагизм современной жизни в предпочтении современным обществом «антропологических» ценностей (бытовых: плотских удовольствий, личного счастья, славы, богатства) – «онтологическим» (бытийным, духовным).²⁴ Потому современный человек был назван Тютчевым «сыном смерти», а время, в которое он живет – «веком без души».

Мысли Тютчева находят отклик в стихотворении Полонского «Век» (1864). «Век девятнадцатый – мятежный, строгий век» персонифицирован в тексте стихотворения и диктует свою волю человеку:

*О чем задумался? Бери перо, пиши:
В твореньях нет творца, в природе нет души.
Твоя вселенная – брожение сил живых,
Но бессознательных, – творящих, но слепых,
Нет цели в вечности: жизнь льется как поток,
И на ее волнах мелькнувший пузырек,
Ты лопнешь, падая в пространство без небес, –
Туда ж, куда упал и раб твой, и Зевес... (I, с. 438).*

В одном из писем самого начала 1860-х годов Полонский признавался, что хотел бы понять восторжествовавшее в обществе рационалистическое направление мысли и с этой целью знакомился с сочинениями известного немецкого материалиста Людвиг Фейербаха. Все усилия, однако, оказались напрасными,

²³ Федор Иванович Тютчев // Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. М., 1989. С. 37.

²⁴ Тарасов, Б.Н. Тютчев и Паскаль (Антиномии бытия и сознания в свете христианской онтологии). Статья 1 // Русская литература. 2000. № 3. С. 53–74.

атеистические убеждения были чужды Полонскому. «Атеизм никак не гармонирует с моей натурой, – писал он, – но ум и его признаёт... Быть может, люди нового поколения и в сфере полнейшего неверия сумеют совершенно акклиматизироваться и отрастить крылья – не знаю. Говорю о себе – до сих пор я был идеалистом...».²⁵ Руководствуясь «умом», поэт стремился понять свой век, пойти навстречу новому времени, но это стремление вступало в противоречие с его «натурой».

4. Внешняя жизнь и внутренний человек

В лирике Я.П. Полонского 1860-х годов, по общему мнению, все чаще звучат гражданские мотивы. Б.М. Эйхенбаум замечал, между тем, что эти мотивы приобретали нехарактерное для времени воплощение. Поэзия Полонского – выражение «гражданственных тревог», чужда «негодования». В ней отчетливо звучит «горькое раздумье, жалобы, недоуменье, грусть, досада, страх за будущее человечества».²⁶ Основными становятся мотивы духовной пустоты и неверия. Уже в одном из ранних стихотворений «Священный благовест торжественно звучит...» поэт заявляет: «Рассудок бедный мой блуждает в пустоте», указывая на слабость рационального познания. «Рассудок бедный» не способен уловить и объяснить те духовные смыслы действительной жизни, которые открыты интуиции.

В современном духе отрицания поэт находил предвестие вселенской катастрофы. Мрачная картина апокалипсиса воссоздается в стихотворном цикле «Сны».²⁷

В первых двух стихотворениях цикла задан общий тон всем последующим. Они построены на антитезе «жизнь-сон». Сны лирического героя полны света и радости: ему видится «румяное солнце», мимолетный призыв прекрасной женщины. В пространстве сна «божий белый день» рождает в герое ощущение молодости, радостные «сердца движенья», тогда как возвращение из наполненного светом и теплом сна в действительный мир связано с холодом и одиночеством. Одиночество тяготит героя, при том, что он окружён множеством людей: «...толпа за толпою / Снует мимо окон моих», теплоты душевного общения лишен. Избавления от

²⁵ Тхоржевский, С.С. Высокая лестница // Портреты пером: Исторические повести. Л., 1984. С. 464.

²⁶ Эйхенбаум, Б.М. Я.П. Полонский // О поэзии. Ленинград, 1969. С. 268.

²⁷ Печатался частями в 1856–1860 годах в журналах «Современник» и «Русское слово», сборнике «Стихотворения Я.П. Полонского» 1859 года, целиком впервые опубликован в первом томе Полного собрания стихотворений поэта в 1896 году.

одиночества приходит лишь во сне, между тем, как в жизни образуется пустота мнимых отношений. Бессмысленной суете окружающего общества поддается и сам герой стихотворения:

*И ходят послушные ноги,
И движутся руки мои;
Без мысли язык мой лепечет,
И сердце болит без любви.*

Смысл антитезы «жизнь-сон» нарушает привычную логику: сон оказывается более «живым», ценностно и эмоционально насыщенным, и противостоит духовной пустоте – «безжизненной» действительности.

Разрешается антитеза «жизнь-сон» в третьем стихотворении цикла, когда две противоположности объединяются в пространстве тюрьмы. Тюрьма символизирует одиночество и несвободу героя Полонского в мире людей. В обстановке ночи, в разлившемся вокруг безжизненном лунном свете выделяются образы «черной решетки» и темного, погасшего «ночника» (светильника). Пространство тюрьмы служит объективации душевного состояния лирического героя, а через него – и самого автора.

Развиваются мотивы одиночества и несвободы в следующей части цикла, названной «Подсолнечное царство». Во сне одинокий герой видит себя царевичем в сказочном мире, ему возвращена полнота близких отношений в семье. Рядом с ним отец и мать, и их любовь согревает теплом. Выясняется, однако, что и в этом мире гармония обманчива. Родителями не одобрен жизненный выбор сына – он поэт и внешнему благополучию, уюту семейной жизни предпочитает судьбу скитальца, гармонии внешних отношений – полноту внутренней жизни:

*Ах! — кричу я им, — лишите
Вы меня всего, всего...
Всё-то ваше царство вряд ли
Стоит сердца моего!.. (I, с. 142).*

В заключительной части цикла, стихотворении «Тишь и мрак», мотив духовной пустоты развивается в мрачный образ апокалипсического небытия. В

безжизненной пустоте пребывает небо, в котором горят, «как смола», «неподвижные звезды», и «месяц холодный, как будто мертвец» стоит среди «могильных холмов». Космическое небытие распространяется на землю, где «природа как будто не дышит», а все живое оказывается «в объятиях мертвого сна». Небытие природы усугубляется полным одиночеством героя, оказавшегося в обстановке абсолютно безжизненного мрака, тишины и покоя:

*И стал я блуждать в этом мраке
Один — как слепец. Не ночной —
Могильный был мрак, и повсюду
Была тишина и покой. (I, с. 142).*

«Тишина и покой» небытия – это вовсе не то состояние умиротворения, о котором говорилось в стихотворении «Ангел». В отличие от образа ребенка, переживающего полноту жизни благодаря Божественному присутствию, герой «Снов» переживает трагическое состояние Богооставленности. Его одиночество ничем и никем не может быть восполнено в обстановке небытия: «...тьму обнимал я, и тьма обнимала меня».

Заключительная часть цикла связана с предыдущими повторяющимися мотивами одиночества, жизни-сна и жизни-тюрьмы. Ложные цели и разобщенность людей в земном пространстве накладывает отпечаток на космическое и вселенское бытие. Рожденное чувством духовной пустоты трагическое одиночество окрашивает мрачными красками картину жизни целиком, оно выведено из пространства сна и символической «тюрьмы» в мистериальное пространство.

Выход из трагической ситуации герой Полонского получает благодаря некой таинственной книге. Её огненные знаки рождают в сознании «страшные мысли», развитие которых завершается словом «проклятье». Именно таинственная книга, возвращает героя к жизни. Эпизод с книгой, как и образ Царь-девицы, может быть интерпретирован через текст Откровения Иоанна Богослова. В причудливых образах Иоанну видится то «чему надлежит быть после сего» (Откр. 4: 1). Является страшная череда картин, рисующих страдания и гибель людей. Разрешение всем гибельным ужасам приходит с явлением «нового неба и новой земли, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали» (Откр. 21: 1). В стихотворении Полонского книга служит пробуждению и возвращению героя к жизни – «сердце очнулось».

И.Г. Вьюшкова пишет о «духовном воскресении» лирического героя и подчеркивает, что сны в стихотворениях цикла не объясняют мир, а «внушают впечатление о его необъяснимости». ²⁸ Несомненно, фантазмагория сна трансформирует привычные явления действительной жизни и расставляет наиболее значимые для поэта акценты, утверждая, что истинные ценности находятся не в материальной ее сфере, а в духовной.

Преувеличенное значение, которое современное поэту общество придавало материальности своего существования, раскрывается в ряде стихотворений Полонского 1860–1870-х годов. В них появляется герой, осознавший противоречия своего времени, но не обладающий силой характера, достаточной для того, чтобы занять независимую позицию. Он всецело подчиняется «веку».

Таков герой стихотворения «На железной дороге» (1868). Для него духовные ценности: родина, любовь, дружба, сострадание, долг, служение ближнему – не пустой звук. Они находят место в его душе, однако не определяют смысла практической жизни. Герой торопится, проезжая мимо родных мест на поезде, и оправдывает себя: «И лечу я, за делом лечу, – / Дело важное, время не ждёт» (I, с. 142). В безрассудном стремлении к какой-то мнимо важной цели он теряет то, чем живёт человеческая душа. Мимо проносится родительский дом, в котором «изнывает, родимого ждёт» постаревшая мать. Остаётся вне досягаемости идущая по тропинке «красна девица», которая могла бы составить счастье всей жизни – «золотая душа», «красота из красот». У героя стихотворения не находится даже часа для беседы с нуждающимся в утешении товарищем по гимназии. Все благие намерения живут лишь в его мыслях, в реальности его жизнь подчинена неким практическим целям, по словам автора, – продолжает «пустяки городить». Однако, говоря так, автор не осуждает своего героя и показывает, что слабому человеку не по силам спорить с «веком», тем более – противостоять ему.

Поэтом акцентируется жизненная дилемма: «строгому веку» невозможно противостоять, но, подчиняясь ему, человек с душой обрекается на многие страдания. Душевные скорби «сына века», выражены в стихотворении «Старая няня» (1876). Близкий автору лирический герой осознает себя усталым путником,

²⁸ Вьюшкова, И.Г. Мотивный комплекс сна в поэзии и прозе Я.П. Полонского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 – русская литература. СПб., 2011. С. 15.

после долгих лет вернувшись домой. Его душа испытала разрушительное действие «мятежных дум» и «яда» сомнения.

Усталому «сыну века» противопоставлена простая крестьянка, бывшая няня героя, не испытывавшая этого разрушительного действия. Обращаясь к ней, герой говорит: «Я измучен был, а ты / Прожила без суеты...», «И напонила Христа / Ты страдальцу без креста / Гражданину, сыну времени / Посреди родного племени / Прозябающему, / Изнывающему...» (II, с. 293). В народной среде, подчеркивает Полонский, в отличие от образованного общества, сохраняется спокойное смирение, приятие жизни, даже в драматических и трагических её проявлениях. Простой человека бесхитростен, он верит в Высшую справедливость, так, как верили до него, не впадая в грех сомнения и гордыни. Даже в зависимом положении он вызывает глубокое уважение лирического героя Полонского.

Осмысляя отношения человека с «веком», Полонский подчеркивает органичность связи с родной землей. Песня рождается из сердца поэта, подобно тому, как из родника исходит поток, омывающий и очищающий землю. Она связана с землей и отвечает настроением состоянию самой жизни:

*Моё сердце – родник, моя песня – волна,
Пропадая вдали, – разливается...
Под грозой – моя песня, как туча, темна,
На заре – в ней заря отражается.²⁹*

Вдохновение, рождённое, подобно роднику, в глубинах земли, своим настроением близко обществу и поэт надеется, несмотря на непонимание и отсутствие сочувственного отношения к своей поэзии в трудные 60-е годы, что его песня в будущем приобретёт светлое, радостное звучание. Это случится, как только развеется темнота ночи, символизирующая собой отсутствие свободы, как и отсутствие света. В 1864 году поэт разовьет эту мысль и напишет: «Чтобы песня моя разлилась, как поток, / Ясной зорьки она дожидается: / Пусть не тёмная ночь, пусть горящий восток / Отражаются в ней, отливаются...» (II, с. 156).

Лирика Полонского 1860-х годов содержит следы напряжённых размышлений о судьбах России, печальные раздумья о неблагополучии

²⁹ Полонский, Я.П. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М., 1986. С. 113.

разобщенности и непонимания в обществе: «Признаться сказать, я забыл, господа...» (1861), «Беглый» (1861), «Неизвестность» (1865) и другие. В них слышны отголоски напряжённого диалога Полонского с более радикально настроенными поэтами-современниками, в частности, с Н.А. Некрасовым.

В стихотворении «Поэту-гражданину»(1864) выражено сомнение в том, что голос «ропщущей музыки» сможет пробудить сознание людей, всецело погружённых в решение практических задач жизни («Голпа-работница считает каждый грош...»). Чтобы не изменять себе, поэт, утверждает Полонский, должен приподняться над реальностью в страстном служении вечным и неизменным ценностям мира – правде, любви, красоте, свободе:

*Нет правды без любви к природе,
Любви к природе нет без чувства красоты,
К познанию нет пути нам без пути к свободе,
Труда – без творческой мечты... (II, с. 87).*

Почти десять лет спустя Полонский продолжил размышление о роли поэта в жизни общества в стихотворении «Блажен озлобленный поэт...» (1872). Взяв в качестве отправной точки некрасовскую строчку «Блажен незлобивый поэт...», он с сожалением говорил о восторжествовавшем в сознании современного человека общественном и духовном нигилизме. Именно поэтому «озлобленный поэт» находит всеобщее признание – «Ему венцы, ему привет / Детей озлобленного века...». Путь «озлобленного поэта» в будущем, по мысли Полонского, может быть небезнадёжен, если только он не ограничивается отрицанием и будет помнить: «В любви – зародыши идей, / В идеях – выход из страданья (II, с. 158). Лирическому герою Полонского понятны неблагоприятные обстоятельства повседневности, близки страдания бедных, оказавшихся в жизненном тупике людей. Однако мотивы социального неблагополучия, которые вплетаются в негромкую песню поэта, рождены не озлоблением, а состраданием.

В стихотворении «Опасение» (1878) показана семья, благополучие которой может быть в любой момент разрушено силой слепой ненависти людей, пребывающих в бедности. Хрупкий мир семейного счастья находится в окружении озлобленного нищетою большинства:

*Здесь каждый ждёт беды, здесь каждый запер дверь,
Здесь невидимкой между нами
Блуждает нищета, косматая, как зверь,
Дрожит и шарит за дверями (II, с. 304).*

Поэт высказывает опасение за будущее мира, в котором нагнетается взаимное раздражение, чреватое разрушительными последствиями. Понимая все несовершенство исторической жизни, он находит в ней основания для утверждения вечных, абсолютных ценностей.

5. Библейские сюжеты и образы как средоточие универсальных жизненных смыслов

Обращенность мысли Я.П. Полонского к реалиям современной жизни совмещается с универсальными смыслами библейского текста. Поэт осуществляет рецепцию, преимущественно, тех сюжетов, мотивов и образов, которые свидетельствуют о трагических последствиях самонадеянности и самоутверждения человека, пренебрегающего законами духовного бытия и нарушающего эти законы.

Момент отклонения первого человека от Божественной воли отражен в стихотворении «В потерянном раю» (1876). В начале стихотворения перед взором читателя встает живописная картина рая. После грехопадения первых людей в сонме процветающей природы появились первые знаки умирания, разрушена гармония всеобщей любви, восторжествовали хищничество и злоба:

*Уже впервые дымной мглою
Подернут был Едемский сад,
Уже пожелкнувшей листвою
Усеян синий был Ефрат...
Уж райская не пела птица,—
Над ней орел шумел крылом,—
И тяжело рычала львица,
В пещеру загнанная львом... (II, с. 286).*

Над миром, в котором действовал закон отеческой любви Творца к своему творению, объявлено торжество своевольного демона:

*И озира́л злой дух с презреньем
Добычу смерти — пы́шный мир
И мыслил: смер́тным поколеньям
Отны́не буду я ку́мир*

Следуя далее за известным сюжетом, Полонский интерпретирует его соответственно собственной идее о человеке. В утратившем благодать райском саду согрешившая Ева предстает перед Создателем в смирении покаяния: «Уязвлена, омрачена, / Идет, подобно скорбной тени...». Прародительница показана поэтом не только в покаянии о грехе, но и в духовной победе над демоном искушения: «Грозы Божественной сверканье — / Тех молний, что его с небес / Низвергли, — не без содроганья / В ее очах увидел бес...» (II, с. 287). У Полонского бес отступает перед гневом человека, в свободной воле утверждает достоинство человека и его способность к духовному прозрению. Перед демоном, Ева выходит победительницей, в то время как в библейском тексте Адам трусливо перекалывает вину грехопадения на Еву, а Ева винит змея – наказание же от Бога получают и поддавшиеся искушению люди, и змей-искуситель.

В том же гуманистическом, утверждающем человеческое достоинство ключе функционирует у Я.П. Полонского известный сюжет о Вечном жиде. История некоего башмачника, к которому обратился Христос по пути к месту распятия на Голгофе с просьбой о кратком отдыхе на пороге его дома и который отказал в просьбе, рассказана с явным к нему сочувствием.

В стихотворении Полонского легендарный персонаж показан стариком, умудрённым многовековым опытом земного существования. Он раскаивается в своем проступке: «Из гордыни, из боязни, / Я Христу не мог помочь» (II, с. 185). Но это раскаяние не является полным, герой оправдывает себя тем, что его грех – общий для всех людей. Греховна сама человеческая природа. Из уст персонажа звучит обличительное слово в адрес народов, ведущих нескончаемую братоубийственную войну. Череда преступлений, свидетелем которых он стал на протяжении многовековых скитаний, вызвана желанием утвердить собственную волю в качестве основного жизненного закона. Из уст героя стихотворения звучит слово осуждения других людей: «Каждый век со всех сторон / Слышу крики, вопли, стон, — / Вижу ненависть, гоненья... / Погибают поколенья...», и в этой общей греховности видится оправдание собственного падения (II, с. 186).

Столетия ожидания, назначенные в наказание Вечному жиду, подходят к концу, и обремененный грехом скиталец готов достойно встретить Того, перед Кем был так виноват, и он, «...заслыша гул громовый, / К небу поднял взор суровый — / И пошел встречать грозу...» (II, с. 188). Образ-символ грома, в контексте пересказанной Полонским легенды, служит утверждению безусловной Божественной власти над заблуждающимся в своеволии человеком, а гроза – не только символ гнева, но и возможного очищения души, заслуженного прощения. Человек у Полонского слаб и склонен ошибаться, но способен и к покаянию, его слабость в сомнении, а сила – в преодолении этого сомнения и сердечной полноте раскаяния.

По мнению Эрика Эгеберга (Erik Egeberg), сомнение является ключевой характеристикой творческого сознания Я.П. Полонского: «Сомнение может представлять собой изъясн в творческом облике Полонского».³⁰ Но это был «изъясн», по словам норвежского учёного, свойственный целому поколению русских людей, и потому способствовал росту популярности поэта у «широких слоёв русской интеллигенции». В целом творчество Полонского определяется как одна «из предпосылок возникновения первой волны русского символизма».³¹ Нельзя не согласиться, что творческое сознание поэта отмечено сомнением, но нельзя не заметить и явно выраженное разрушительное его действие на внутреннего человека. Лирический герой Полонского последовательно преодолевает внутреннюю раздвоенность рефлектирующего сознания, показывает греховность человеческой природы и, одновременно, человека уважает, доверяет ему и надеется на возвращение изначально данной и некогда утраченной гармонии.

Внутренняя гармония как идеал, по которому тоскует человек, является одним из наиболее устойчивых мотивов поэзии Я.П. Полонского. Душа его лирического героя просится «как в рай, в Божий храм», хотя, по слабости сил, он оказывается не в самом храме, а вблизи него (стихотворение «У храма», 1886–1889). Как откровение звучат строки стихотворения «Гипотеза» (1885), где Божественная гармония творения обуславливает собой жизненно необходимую для человека веру:

³⁰ E. Egeberg, "The Poetry of Jakov Polonskij," *Poljarnyj Vestnik: Norwegian Journal of Slavic Studies*, 2002, Vol. 5, p. 53.

³¹ *Ibid.*

*Из вечности музыка вдруг раздалась
И в бесконечность она полилась,
И хаос она на пути захватила, —
И в бездне, как вихрь, закружились светила:
Певучей струной каждый луч их дрожит,
И жизнь, пробужденная этою дрожью,
Лишь только тому и не кажется ложью,
Кто слышит порой эту музыку Божью,
Кто разумом светел, — в ком сердце горит (II, 260).*

На протяжении многих лет своей творческой жизни Я.П. Полонский искал образы, способные открыть читателю мир его ценностей. Среди них – любовь и сочувственное отношение к страдающему от несовершенства мира человеку, родная земля как средоточие духовной традиции и поэтическое творчество. В одном из последних стихотворений «Вечерний звон» (1890–1895) он проводит параллель между лирой как символом поэтического вдохновения и колоколом как символом христианской традиции и вполне определенно выражает мысль о приоритете второго:

*Но жизнь и смерти призрак — миру
О чём-то вечном говорят.
И как ни громко пой ты, — лиру
Колокола перезвонят (II, с. 34).*

Подводя итог всему вышесказанному, заметим, что личностное переживание конкретно-исторических реалий современной поэту русской действительности, несомненно, определяет мировоззренческую платформу лирики Я.П. Полонского. Однако это переживание не замыкается на уровне физического существования человека, переносится в область ценностей универсалий: «жизнь», «любовь», «смерть», «бессмертие», «творчество». Проанализированные тексты поэта позволяют выделить мотивно-образный комплекс, структурированный амбивалентностью бытового и бытийного существования человека. В результате проведенных наблюдений определились мотивные оппозиции: сомнение и духовное возрастание; душевная пустота и служение идеалу; брэнность

действительного (исторического) и непреходящее значение духовного (вневременного), самоутверждение и смирение, грех и покаяние. Все они служат раскрытию личности автора, ориентированной на правду жизни, гармонию внутреннего и внешнего в человеке, духовную зрелость и ответственность перед вечностью. Названные мотивы определяют собой значительную часть лирического наследия Полонского, настолько обширного и многопланового, что обозреть его в большей полноте, даже под определенным углом зрения, в пределах данной публикации не представляет возможным. Оно требует дальнейшего и более детального изучения.

Личностное и универсальное содержание лирики Я.П. Полонского

Т. ФЕДОСЕЕВА

Резюме. Лирика русского поэта Я.П. Полонского в значительной своей части обращена к вечным темам человеческого бытия. Личность человека понята поэтом, как исторически и социально детерминированная и онтологически включённая в универсалии духовного бытия. В статье осуществлен анализ корпуса лирических сочинений поэта, раскрывающих его отношение к вечным вопросам человеческого бытия. Комментарий и интерпретация произведений Полонского осуществляется в биографическом, культурно-историческом, религиозно-философском контексте. Выделяется проходящий через всю лирику поэта сюжетно-мотивный комплекс, построенный на ряде оппозиций: сомнения и поиска идеала, духовной пустоты и зрелости, самоутверждения и смирения, греха и покаяния, временного и вечного. Обнаруживается мировоззренческая ориентированность автора на познание универсальных смыслов бытия и неприятие им духовного нигилизма.